

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

МИР СТРУГАЦКИХ ПОЛДЕНЬ И ПОЛНОЧЬ

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ
ОЛЕГ ДИВОВ
РОМАН ЗЛОТНИКОВ
ЕВГЕНИЙ ЛУКИН
МАЙК ГЕЛПРИН
ВЛАДИМИР ВЕНГЛОВСКИЙ
ГРИГОРИЙ ПАНЧЕНКО
ДАРЬЯ ЗАРУБИНА
ЕЛЕНА ПЕРВУШИНА
ИГОРЬ МИНАКОВ
МИХАИЛ САВЕЛИЧЕВ
ВЛАДИМИР МАРЫШЕВ
и другие

МИР СТРУГАЦКИХ
ПОЛДЕНЬ И ПОЛНОЧЬ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М63

Разработка серийного оформления
художника *Е. Савченко*

Серия основана в 1996 году

Составители сборника
М. Гелприн, Г. Панченко, И. Минаков

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

М63 **Мир Стругацких.** Полдень и Полночь. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 512 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-84824-9

Что произошло у рифа Октопус? Откуда взялся на Марсе канал имени Москвы? Чем закончилась история тринадцати подкидышей, которых так опасался Рудольф Сикорски? Что связывает катастрофу на Далекой Радуге и таинственную планету Пандора?

Аркадий и Борис Стругацкие, Олег Дивов, Роман Злотников, Евгений Лукин и другие в сборнике, посвященном миру далекого будущего, легендарного «Подень, XXII век»!

Произведения братьев Стругацких, включенные в сборник, публикуются впервые!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алиев Т., Бариста А., Батхен Н., Богданов Б.,
Венгловский В., Гелприн М., Громов А., Дивов О.,
Зарубина Д., Звонарёв С., Злотников Р.,
Клещенко Е., Ковешников С., Лукин Е.,
Марышев В., Минаков И., Московит И.,
Никитин Д., О'Рэйн, Панченко Г., Первушина Е.,
Савеличев М., Стругацкий А., Стругацкая М.,
(наследники), Тихомиров М., Удалин С., Халь Е.,
Халь И., Шатохина О., 2016

© Состав и оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-84824-9

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ообще-то я не люблю историй из области «я и великие». Не слишком активно, но... не люблю. Нет, кое-какие жертвы в виде «фотографий с» и «автографов от» я на этот алтарь положил. Грешен. Но считаю, что это были, так сказать, минуты слабости. Однако когда мне предложили написать что-то по этому поводу в мемориальный сборник, посвященный памяти несомненных кумиров моего поколения — братьев Стругацких, отказать я не смог. Так что «я и великие», внемлите ☺...

Когда я прочитал их первую книжку — я уже и не помню. В третьем классе или четвертом... Вряд ли по-зже. Прочитал и пропал. «Страна багровых туч», «Полдень, XXII век», «Стажеры», «Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу», «Обитаемый остров», «Парень из преисподней»... ой как меня начинало корежить, когда заканчивалась очередная книга. Мне хотелось, чтобы продолжение было сейчас, немедленно, тут же. Я, как мне представляется, и писать-то сам в конце концов начал потому, что ну не было мочи терпеть, пока появится продолжение какой-нибудь полюбившейся мне книги. Вот и принялся сначала додумывать, представлять, воображать, как оно там должно быть дальше, а потом и сам вляпался...

В 1977 году я, будучи вполне себе стеснительным мальчиком (как минимум в обращении со взрослыми), неожиданно для себя умудрился написать братьям Стругацким письмо. Вот так — взял и написал. Мол, за-

думал книгу, хочу посоветоваться... Если честно — врал. Всегда ненавидел писать, так что даже представить себе не мог, что способен не то что придумать (воображение-то было), а вот просто записать на бумаге объем, равный книге. Поэтому то, что я как-то в конце концов после всех наездов преподавателей на слишком скучные записи лекций и семинаров и проверяющих из выше-стоящего штаба на слишком «тощие» конспекты и планы занятий с личным составом и т. п. умудрился-таки стать писателем, — меня до сих пор удивляет до крайности. Но — письмо написал. И принялся ждать ответ. А он все никак не приходил... Прошел месяц, потом второй, потом третий. И я понял, что ждать бессмысленно. Ну не общаются великие с такими, как я... Не скажу, что так уж сильно расстроился, но некоторое разочарование — было. А потом, месяца уже через четыре, меня подозвал отец и торжественно вручил конверт с листком, на котором были напечатанные на машинке несколько строчек и закорючка подписи Бориса Стругацкого... Короче — ответ пришел, но так испугал моих родителей, что они почти два месяца не решались мне его отдать. Ну как же — письмо от самого Стругацкого! Мои родители были, как это тогда называлось, — ИТР, и Стругацких читали и сами. А тут письмо мальчику-школьнику. А ну как это плохо отразится на его психике? Но все-таки отдали. И оно и сейчас хранится у меня...

Не скажу, что я был на седьмом небе. Нет, письмо было добрым и каким-то... отеческим, что ли. Мол, это хорошо, Рома, что ты задумал книгу, а еще нарисуй рисунки космических кораблей, которые у тебя будут по сюжету, и следи за орфографией. А то слово «...» пишется через «е», а не «и»... Так что я, конечно, обрадовался, но и подосадовал на себя по поводу того, что, блин, не проверил письмо на ошибки. И что с того, что я так никогда не делал? То есть ни на диктантах, ни на сочинениях, ни на изложениях. Школа — это школа, там — мож-

но, а тут письмо самим Стругацким... То есть к реально ощущаемому внутри восторгу примешивалась и досада на самого себя. Возможно, именно в тот момент я и начал серьезно заниматься собственной грамотностью.

И еще — книжку я не написал. Даже не начал. Так все и осталось в воображении. Ну лентяй был — что по-делаешь...

Второй мой личный, так сказать, контакт со Стругацкими состоялся уже гораздо позже. В начале «нулевых». И был он уже именно личным. Лицом, так сказать, к лицу.

Это произошло на Санкт-Петербургском конвенте «Интерпресскон».

Дело в том, что до того как вышла моя первая книга, я ничего не знал о жизни фэндома. Я рос, учился, служил, получал звания, переходил на более вышестоящие должности, после распада Советского Союза и резкого сокращения армии уже в звании капитана перешел на службу из спецчастей внутренних войск МВД в учебное заведение милиции, начав преподавать единственное, что знал из всей сложной и многогранной милицейской работы, — боевую подготовку. И параллельно начал пытаться писать. Фантастику. Но о том, что существует некая и весьма многочисленная общность людей, объединенных именно любовью к моему любимому жанру... ну или направлению литературы, — я ничего не знал. И узнал, только когда стал «молодым, но перспективным автором», которого творческий дуэт Димы Громова и Олега Ладыженского, творящих под псевдонимом Генри Лайон Олди, пригласил на свой конвент.

Помню, я тогда еще не понял и уточнил как-то вроде: «Куда-куда сбегать?» Тем более что Дима и Олег к тому моменту уже были вполне себе маститыми, а я, повторюсь, всего лишь «молодым и перспективным». Ну они мне и объяснили, есть в фантастике такое явление, как конвенты, что существует это везде и в любой стране мира, что даже в маленькой Болгарии в год прово-

дятся два конвента, вот и они затеяли нечто подобное в Харькове и желают меня там видеть. Вот после этого я и начал потихоньку кататься. «Звездный мост» в Харькове (ныне усопший, к сожалению, но будем все же надеяться, что не навсегда), «Роскон» и «Басткон» в Москве, «Интерпресскон» и «Странник» в Питере, «Аэлита» в Екатеринбурге... На самом деле конвентов в нашей стране куда больше, но сейчас речь не о них.

Так вот, на «Интерпресскон» меня тогда пригласил Саша Сидорович, один из главных его организаторов. Опять же как «молодого, но перспективного автора». А я тогда возьми и закинь удочку насчет встречи с Борисом Наташычем (старшего из братьев — Аркадия, к тому времени уже, к сожалению, не было в живых). На что Саша ответил:

— Да без проблем. Он на нашем конвенте вручает свои премии (АБС-премия и «Бронзовая улитка»). Так что непременно будет. И мы тебя ему представим.

И он таки был!

После вручения премий я не утерпел и не стал дожидаться того, чтобы меня представили Борису Наташевичу лично, а «внедрился» в толпу, окружившую его. К тому моменту уже вышло несколько моих книг, и парочку из них я засунул в пакет, который держал в руках, собираясь вручить их «легенде» с соответствующей прочувственной речью. Но вокруг стояла целая толпа таких же поклонников их творчества, как и я, поэтому обратить на себя внимание «мэтра» все никак не получалось... И тогда я начал «работать бедром», потихоньку отодвигая других претендентов на внимание «мэтра». Паренек я был дюжий, и мои усилия через некоторое время увенчались некоторым успехом. Так что я наконец улучил момент:

— Борис Наташевич, — проникновенно начал я, — должен сказать, вы, не подозревая об этом, приняли заметное участие в моей судьбе.

— Как это? — слегка озадачился «легенда».

— Дело в том, что, когда мне было четырнадцать лет, я написал вам с братом письмо, — сообщил я. — И вы мне на него ответили. Причем именно вы.

— И что? я всем отвечаю, — не понял «мэтр».

— Так вот, — не дал я сбить себя с мысли. — После этого я учился, служил, а потом начал писать. Фантастику. И вот теперь... — Тут я потянулся к своему пакету, в котором явственно просматривалось нечто весьма толстое. Борис Наталия слегка перекосило.

— Понимаете, молодой человек, — начал он мне, — дело в том, что я очень, просто чрезвычайно загружен. Я за год прочитываю до трехсот рукописей и просто физически не в состоянии...

Но было поздно. Я уже достал из пакета свои книги. Борис Наталия запнулся, блеснул очками и продолжил уже совершенно другим тоном:

— А-а-а, так вы их уже издали? Тогда давайте-давайте, с удовольствием прочитаю...

Вот так и произошла наша первая встреча лицом, так сказать, к лицу.

Потом мы встречались еще несколько раз. Как-то так получалось, что, когда я появлялся на «Интерпресс-коне», мы с ним всегда вместе обедали. Если я шел на обед — то заходил за ним, а если он приходил первым — то всегда оставлял мне место за своим столом. Один раз даже мне удалось его «освободить». Потому что у него сломался замок, и, когда я зашел за ним, он уже минут десять пытался выбраться из запертой комнаты. Но его никто не слышал. Было и такое ☺.

Нет, особенно близкими мы не стали. Даже переписки не зародилось. Но при встречах общались с удовольствием. Так что общение с живым «великим» принесло мне только радость. А ведь мы знаем, что бывает и по-другому. И потому известие о его смерти я принял с искренней грустью и... светлая им память.

Этот сборник — как раз и есть эта память. Он во многом уникален и вовсе не тем, что мемориальный и из-

дан к годовщине смерти последнего из покинувшего нас братьев — Бориса Натановича Стругацкого, а тем, что часть опубликованных в нем рассказов — победители сетевого конкурса, посвященного мирам, созданным Аркадием и Борисом Стругацкими. Миру Полдня и миру Полночи. Миру светлого будущего, в котором, однако, есть и свои проблемы, и свои победы и поражения, и миру будущего... нет, не столько темного, сколько обычного для цивилизации Земли — трудного, требующего для выживания в нем воли, стойкости и упорства. Ну так мы же в таком будущем сейчас и живем, не так ли? Хотя продолжаем мечтать о другом.

А еще в нем опубликованы два текста АБС, которые пока не публиковались нигде и никогда. Вот такой мы получили от них прощальный привет...

ПОЛДЕНЬ

ГРИГОРИЙ ПАНЧЕНКО

О СТРАНСТВУЮЩИХ И ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ — КАКИМИ ВЫ НЕ БУДЕТЕ

*Предисловие к неизвестным ранее
произведениям Аркадия и Бориса Стругацких,
впервые опубликованным в этом сборнике*

«Погружение у рифа Октопус»

Ассказ «Погружение у рифа Октопус» написан на рубеже 1959 и 1960 гг. Хронологически он, видимо, второй из текстов, впоследствии составивших «полуденный» мир: «Белый конус Алаида» уже рожден, но в главу «Поражение» еще не превратился. Впрочем, ведь пока нет вообще никаких глав, как и Полудня нет — хотя зачатки его уже намечены. Причем в «Октопусе» куда больше, чем в «Конусе»: налицо и Костылин (тогда как герой «Конуса» — не Атос-Сидоров), и океанолог Званцев, и астероид «Бамберга» («Стажеров» еще нет даже как замысла!), и термин «оверсан» (в рассказе «Путь на Амальтею» он уже явлен, но сам этот рассказ будет явлен читателям лишь через несколько месяцев)... Любопытно, что антураж этого предПолудня скорее соответствует первым главам грядущей повести, «Ночь на Марсе» и «Почти такие же», относящимся к XXI в. (а действие «Ночи на Марсе» вообще должно в конце XX в. происходить), да уж и «производственным» главам «Стажеров». Но при этом рассказ перенесен в куда более позднее время: при взгляде на потопленный во время *Последней Войны* японский

или американский авианосец Костылин вспоминает, что ему не раз приходилось натыкаться на такие обломки трехвековой давности.

Кажется, у Братьев иногда возникало сознательное или подсознательное желание передвинуть Полдень на столетие вперед. Ведь и в «Попытке к бегству» дата открытия планеты Саула, «юлианский день двадцать пять сорок два девятьсот шестьдесят семь», относится к середине XXIII в.

Считать ли «Погружение» эпизодом взрослой молодости Лина, бортинженера и охотника (правда, потом охотничью стезю избрал Поль), из аньюдинской четверки мушкетеров? Если так, рассказ хорошо вписывается в соответствующую нишу: ведь Капитана, Атоса и Либера Полли мы в этом качестве видим именно как главных героев соответствующих глав, а Лину отведена роль второго плана (правда, дважды, причем оба раза на фоне Поля — однако последнее его появление приходится уже на время старости бывших обитателей 18-й комнаты). Но, пожалуй, этот вывод верен «с точностью дооборота»: Стругацкие, сформировав своих героев порознь, вскоре начинают создавать для них общий мир. А для четверки из аньюдинского интерната — и общее детство.

Мир, где найдется место и Жене Славину (только готовящемуся появиться на свет в «Ночи на Марсе»), и Горбовскому, и Званцеву... И Охотнику из «Свидания», который потом станет Полем, но пока носит совершенно иное имя — как и его друг, в дальнейшем сделавшийся Лином. И герою «Белого конуса Алайда», еще не Атосу (он в рассказе, опубликованном на страницах «Знание — сила» № 12, 1959, получил очень тяжелую, возможно, даже смертельную травму — и, кажется, тень этого ранения продолжает витать над ним даже после совмещения с Атосом: в «Десантниках», в «Улитке на склоне», в «Волны гасят ветер»...).

Александра Костылина это касается тоже. Все они — «почти такие же», как были в ранних новеллах. Но не-

которые изменились довольно заметно — и миры рассказов изменились вместе с ними, чтобы соответствовать миру Полудня.

Почему все-таки эта глава не вошла в «Полдень», будь то повесть 1962 г. или роман 1967-го и всех последующих лет? На то может быть несколько причин. Скорее всего, они действовали все вместе.

Прежде всего Братья, видимо, решили не переотягощать цикл «океанскими» главами, так что даже из двух гораздо более зрелых новелл, «Глубокий поиск» и «Моби Дик», выбрали лишь одну — а уж о третьей и речь не шла. Об этом еще скажем позже. Помимо всего прочего, все эти главы-новеллы отмечены влиянием знаменитого романа А. Кларка «Большая глубина» (он на многих наших фантастов оказал влияние: Жемайтис, Ларионова, Кир Булычев — не только «Узники «Ямагири-мару», но и «Агент КФ») — причем для каждой из них в отдельности перекличка с Кларком не была чрезмерной, а вот вместе... но вместе, под одной обложкой, они никогда и не появлялись.

Наконец «Погружение у рифа Октопус» отражает тот этап творчества Братьев, который сами они с неудовольствием называли «ранние Стругацкие». Гораздо в большей степени ранние, чем то характерно для ряда других новелл «полуденного» цикла, даже всего на год-два позже написанных.

Это действительно так. Однако пускай ранние Стругацкие, но все равно — СТРУГАЦКИЕ! Так что новелла эта имеет отнюдь не только историческую ценность.

Добавим, что тема рифа Октопус у Стругацких поднимается неоднократно, даже название это иной раз звучало. Ну и часть реалий была использована в том же «Глубоком поиске», правда, оставшись почти за кадром: помните, о чем имела сведения Океанская охрана? Среди прочего — о драконах и «об океанском гнусе — маленьких хищных рыбках, многотысячными стаями идущих на глубине полутора-двух километров и истребляющих все на своем пути».